

Пальцы у Слепого — тонкие, с четко очерченными суставами, такие же изящные, как и он сам.

Только вот кожа их была пугающе холодной. Когда он коснулся руки Се Шуци, та ощущалась словно ледяной предмет, в котором нет ни капли живого тепла.

Се Шуци, не зная, что и делать, слегка встряхнул свою руку, которую тот продолжал сжимать, наклонился и, прикоснувшись губами к тыльной стороне ладони Слепого, спросил:

— Ты чего?

Се Шуци только что отпил чаю, и капля влаги с его губ осталась на коже Слепого. Тот едва заметно улыбнулся и прошептал, едва шевеля губами:

— Держу тебя. Так мне спокойнее.

Се Шуци замер.

Ему было не по себе: Слепой мог убедиться в том, что он рядом, только через прикосновения, и у Се Шуци не хватало духу отстраниться. Однако прохожие, знавшие Се Шуци в лицо, постоянно косились на них — с таким неприкрытым пренебрежением и двусмысленными намеками, словно он был каким-то работоторговцем. От этих взглядов Се Шуци становилось невыносимо тошно.

Неизвестно, сколько бед натворил здесь прежний хозяин этого тела — даже младший сын хозяина постоянного двора узнавал Се Шуци и, завидев его, тут же бросался наутек.

Вскоре принесли еду. Се Шуци положил Слепому в чашку немного закусок и принялся уплетать свой обед.

Он ел быстро и случайно уронил кусочек свинины. Руководствуясь принципом не разбрасываться едой, он подхватил мясо со стола и, не задумываясь, поднес ко рту, но на полпути внезапно передумал и протянул его Слепому:

— А-а-а.

Слепой промолчал.

Се Шуци показалось, или взгляд Слепого стал еще холоднее?

В ту ночь они остановились на постоялом дворе. Чтобы присматривать за Слепым, Се Шуци снял один номер, разделив его ширмой на две части с двумя деревянными кроватями.

На следующий день он отвел Слепого в лечебницу на иглоукалывание, а заодно разузнал, где сейчас находится Маленькая Звезда Бедствия, Ли.

Ходили слухи, что тот еще не покинул городок и, кажется, что-то выслеживает. Опасаясь случайной встречи, Се Шуци с тех пор почти не выходил из комнаты, только и делал, что водил Слепого на процедуры.

В тот день, вернувшись из лечебницы, Се Шуци сидел со Слепым в общем зале и пил чай.

Младшего сына хозяина звали А-Дун. Се Шуци от скуки часто зазывал его поболтать, и со временем они подружились. Увидев, что Се Шуци вернулся со Слепым, мальчишка прибежал к ним с маленькой вертушкой.

— Брат Шуци, смотри! — А-Дун положил вертушку на стол, схватил из тарелки арахис и подбросил его, пытаясь поймать ртом. Но не рассчитал: орешек ударился о зубы и отлетел далеко в сторону.

Се Шуци, сидевший на одной скамье со Слепым, от души рассмеялся, привалившись к его плечу. Слепой не знал, что произошло, но почувствовал, как вздрагивает от смеха грудь Се Шуци, и тоже слегка улыбнулся, приобняв его, чтобы тот не свалился.

— Эх ты, не умеешь! Смотри, как надо!

Се Шуци подхватил арахис, высоко подбросил его и ловко поймал ртом, после чего довольно прищурился, глядя на раздосадованного А-Дуна.

— Я тоже так могу!

А-Дун не хотел сдаваться, схватил целую горсть и принялся подбрасывать, но ни один орешек не попал ему в рот. Любой другой взрослый, наверное, стал бы утешать ребенка, но только не Се Шуци. Видя, что А-Дун промахивается, он не только принялся громко хохотать, но и для лучшего раздражения принялся демонстративно закидывать орехи в рот себе.

У А-Дуна от обиды покраснели глаза. Наконец, он подбросил последний орешек — самый легкий, — и, задрвав голову, в предвкушении ждал, пока тот упадет в рот. Но в воздухе внезапно появилась рука, перехватила арахис и тут же отправила его в рот Се Шуци.

Се Шуци с хрустом прожевал орех и подмигнул А-Дуну:

— Ну что? Признаешь поражение?

А-Дун надулся, спрыгнул со скамьи, подошел к Слепому, схватил его за руку и пухлым пальчиком вывел на ладони: Брат Се Ань, он меня обижает.

Хотя Се Шуци привык называть его Слепым, при людях он звал его Се Ань.

Се Ань опустил взгляд, улыбнулся и, обмакнув палец в чай, написал на столе: Как именно он тебя обидел?

А-Дун, почувствовав поддержку, победно глянул на Се Шуци и прижал ладонь Се Аня к своему рту — он видел, что брат Шуци делал так раньше.

— Он отобрал мой арахис и издевается над маленькими! Не дружи с ним больше! Я слышал, брат Шуци раньше был ужасно плохим, он любил обижать красивых девушек и тащил их к себе домой, причем не только девушек...

Пф-ф-ф! Се Шуци выплюнул чай и чуть не подавился. Он поспешно притянул А-Дуна к себе:

— От кого ты это слышал? Не болтай ерунды.

При этом он украдкой взглянул на Се Аня.

Тот опустил глаза и задумчиво потирал ладонь, неизвестно, слушал ли он их вообще.

А-Дун невозмутимо ответил:

— Так все в городе говорят.

— А ну марш отсюда! Чтобы я больше не слышал таких сплетен, иначе перестану с тобой играть, — пригрозил Се Шуци.

А-Дун тут же закрыл уши руками и замотал головой:

— Не буду, не буду, больше никогда не буду! Брат Шуци, только не бросай меня!

Се Шуци остался доволен и потрепал его по голове:

— Открывай рот.

А-Дун послушно открыл рот, и Се Шуци метко закинул ему туда арахис. Малыш тут же расплылся в улыбке.

Вскоре мальчишку позвал слуга, а Се Шуци, не желая останавливаться, продолжал подкидывать арахис. Он был по натуре непоседой, а за эти два дня успел изныть от безделья. Слепой не мог говорить, и, кроме А-Дуна, поговорить было не с кем.

Се Шуци подбросил очередной орешек, но чья-то сильная рука перехватила его в воздухе и вернула в тарелку.

Се Шуци удивленно взглянул на Се Аня и начертил на его ладони: Ты видишь?

Се Ань покачал головой:

— Слушаю ветер.

— Слушаешь ветер? Разве так можно? — пробормотал Се Шуци.

Хотя он говорил тихо, Се Ань все же ответил:

— Я практикую Дао, мои чувства острее, чем у обычных людей. Я могу различать движение воздуха.

— Потрясающе! Этому сложно научиться? — вывел Се Шуци на его ладони.

Се Ань ответил беззвучно:

— Это можно лишь постичь, но нельзя передать словами.

— О-о...

Значит, до всего нужно доходить самому. Се Шуци тут же потерял интерес.